

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-105-116

УДК 372.882

А.М. Шуралёв, Л.Х. Асаева**Башкирский государственный педагогический университет
имени М. Акмуллы,
450008 г. Уфа, Российская Федерация**

Анализ внутритекстовых интермедиальных включений при подготовке школьников к итоговому сочинению

Аннотация. Одна из ключевых задач современного литературного образования – формирование читательской грамотности. Читательская грамотность включает в себя целостный и многоплановый набор готовых к разносторонней практической реализации способностей личности, таких, например, как понимание, оценивание, разнообразное использование текстов, глубокое размышление о них и достижение на этой основе поставленных целей в разных областях жизнедеятельности. Формирование читательской грамотности неразрывно связано с осмыслением изучаемых по школьной программе произведений литературы в контексте истории, философии, культуры. В этих художественных текстах есть фрагменты, непосредственно изображающие другие виды искусства, представленные как разнообразные интермедиальные отсылки и включения. Анализ таких интермедиальных включений на уроках литературы при продуманном и системно-деятельностном подходе способен решить целый ряд важных образовательных, воспитательных и развивающих задач, в том числе и в плане формирования ценностно-смысловой сферы личности. Способствуя успешному решению стратегической задачи формирования у школьников читательской функциональной грамотности, анализ внутритекстовых интермедиальных включений в то же время может очень эффективно и уместно войти в систему подготовки школьников к итоговому сочинению. Как известно, в структуре закрытого банка тем итогового сочинения третий раздел носит название «Природа и культура в жизни человека», а в нем есть подраздел «Искусство и человек». Аналитическое осмысление школьниками композиционных, нравственных и эстетических функций интермедиальных включений в контексте литературных произведений не только поможет ученикам хорошо подготовиться к написанию сочинения по данной тематике, но и станет прочной опорой для систематизации их литературоцентричного осмысления тематических направлений «Духовно-нравственные ориентиры в жизни человека» и «Семья, общество, Отечество в жизни человека». В данной статье предлагаются и рассматриваются некоторые методические возможности такой аналитической работы на материале произведений, входящих в школьную программу 10 класса.

© Шуралев А.М., Асаева Л.Х., 2024

Ключевые слова: читательская грамотность, контекст культуры, ценностно-смысловая сфера личности, итоговое сочинение, интермедийные включения, экфрасис, интермедийный анализ, литературоцентричность

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Шуралёв А.М., Асаева Л.Х. Анализ внутритекстовых интермедийных включений при подготовке школьников к итоговому сочинению // Литература в школе. 2024. № 1. С. 105–116. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-105-116

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-105-116

A.M. Shuralev, L.Kh. Asayeva

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
Ufa, 450008, Russian Federation

Analysis of intertextual intermedial inclusions when preparing students for the final essay

Abstract. One of the key tasks of modern literary education is the formation of reading literacy. The reading literacy includes a holistic and multifaceted set of personal abilities, ready for versatile practical realization. Such abilities include understanding, evaluating, using texts in a variety of ways, thinking deeply about them and achieving goals in different areas of life on this basis. The development of reading literacy is inextricably linked with the comprehension of works of literature studied in the school curriculum in the context of history, philosophy, and culture. In these feature texts, there are fragments directly depicting other types of art, and these fragments are revealed as various intermediate allusions and inclusions. With the circumspect and systemic-activity approach, the analysis of such intermediate inclusions in literature lessons is able to solve a number of important schooling, educational and developmental tasks, including those of forming the value-semantic sphere of personality. Facilitating the effective solving of the strategic task of developing the schoolchildren's reading literacy, the analysis of intertextual intermedial inclusions can at the same time enter the system of preparing students for the final essay very effectively and appropriately. It is known that the third section of the closed bank of the final essay topics is entitled "Nature and culture in human life", and it has a subsection "Art and man". Analytical understanding of the compositional, moral and aesthetic functions of intermediate inclusions in the context of literary works by students will help them prepare well for writing an essay

on this topic. It will also become a solid support for the systematization of their literary-centered understanding of the thematic areas “Spiritual and moral guidelines in human life” and “Family, society, Fatherland in human life”. This article proposes and discusses some methodological possibilities of such analytical work based on the material of works included in the school curriculum of the 10th grade.

Key words: reading literacy, the cultural context, the value-semantic sphere of a personality, the final essay, intermedial inclusions, ekphrasis, an intermediate analysis, literary centrality

CITATION: Shuralev A.M., Asayeva L.Kh. Analysis of intertextual intermedial inclusions when preparing students for the final essay. *Literature at School*. 2024. No. 1. Pp. 105–116. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-105-116

Одна из ключевых задач современного литературного образования – формирование читательской грамотности. Читательская грамотность включает в себя целостный и многоплановый набор готовых к разносторонней практической реализации способностей личности, таких, например, как понимание, оценивание, разнообразное использование текстов, глубокое размышление о них и достижение на этой основе поставленных целей в разных областях жизнедеятельности.

«От степени сформированности данной компетенции зависит многое в жизни человека: способность понимать и использовать информацию, взаимодействовать с другими людьми» [12, с. 4]. Формирование читательской грамотности неразрывно связано с осмыслением изучаемых по школьной программе произведений литературы в контексте истории, философии, культуры.

В изучаемых по школьной программе художественных текстах, прямо или опосредованно связанных с историей, философией и культурой, есть фрагменты, непосредственно изображающие другие виды искусства, представленные как разнообразные

интермедийные отсылки и включения. Например, изображение танца в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон», романе-эпосе Л.Н. Толстого «Война и мир», исполнение героями песни или арии («Гроза» А.Н. Островского, «Обломов» И.А. Гончарова, «Очарованный странник» Н.С. Лескова, «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова, «Война и мир» Л.Н. Толстого), описание предметов визуальных искусств («Портрет» Н.В. Гоголя, «Гроза» А.Н. Островского, «Отцы и дети» И.С. Тургенева), фрагменты театрального действия («Очарованный странник» Н.С. Лескова, «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова), изображение игры на музыкальных инструментах («Гроза» А.Н. Островского, «Обломов» И.А. Гончарова, «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Очарованный странник» Н.С. Лескова, «Война и мир» Л.Н. Толстого) и др.

Анализ таких интермедийных включений на уроках литературы при продуманном и системно-деятельностном подходе способен решить целый ряд важных образовательных, воспитательных и развивающих задач, в том числе и в плане формирования ценностно-смысловой сферы личности. «Проблема формирования

ценностно-смысловой сферы личности в настоящее время весьма актуальна не только с точки зрения науки, но и в практическом отношении» [9, с. 4].

По вполне обоснованному мнению исследователя С.Ю. Дивногорцевой, «духовно-нравственное воспитание... должно выступать не только как стимул духовного и нравственного становления, развития и совершенствования личности и общества в целом, но и необходимым условием воспроизводства культуры как таковой» [3, с. 6]. В процессе анализа внутритекстовых интермедиальных включений как раз и достигается это условие. В ряде современных исследований одним из действенных инновационных методов работы на уроках литературы называется именно «анализ художественного произведения, направленный на изучение в нем образов различных видов искусства, на рассмотрение культурных “кодов” в тесной связи со спецификой содержания и поэтики повествования, как способ их глубокого познания в целом» [5, с. 704]. По справедливому утверждению В.А. Доманского, «интермедиальный характер произведений отечественной литературы предполагает от исследователя и обычного читателя знания специфики смежных искусств, особенно в наш век, когда интерес ко многим произведениям пробуждается посредством обращения к различным видам мультимедийности» [4, с. 90].

Способствуя успешному решению стратегической задачи формирования у школьников читательской функциональной грамотности, анализ внутритекстовых интермедиальных включений в то же время может очень эффективно и уместно войти в систему подготовки школьников к итоговому сочинению.

Как известно, в структуре закрытого банка тем итогового сочинения третий раздел носит название «Природа и культура в жизни человека», а в нем есть подраздел «Искусство и человек». Аналитическое осмысление школьниками композиционных, нравственных и эстетических функций интермедиальных включений в контексте литературных произведений не только поможет ученикам хорошо подготовиться к написанию сочинения по данной тематике, но и станет прочной опорой для систематизации их литературоцентричного осмысления тематических направлений «Духовно-нравственные ориентиры в жизни человека» и «Семья, общество, Отечество в жизни человека».

Рассмотрим некоторые методические возможности такой аналитической работы на материале произведений, входящих в школьную программу 10 класса.

При знакомстве школьников с поэмой М.Ю. Лермонтова «Демон» целесообразно акцентировать их внимание на танце Тамары, произведшем неизгладимое впечатление на объятую многовековой печалью духа изгнания:

То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, глядит –
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна,
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, живой.

[6, с. 364]

Пресытившись злодеяниями на грешной земле, Демон довел холодное равнодушие ко всему существу до статуса абсолюта, оно ему не просто наскучило, а стало для него невыносимым. В начале поэмы мы застаем его в тот момент, когда пред ним «теснились толпой» воспоминания о том времени, в котором он, будучи счастливым первенцем творенья, «верил и любил», «не знал ни злобы, ни сомненья», а просто наслаждался райской жизнью, теперь для него безвозвратно невозможной. Но вдруг, спустя тысячелетия бесплодных скитаний в пустыне мира, его бесчеловечное самолюбие оказывается уязвленным неземной красотой земной девушки. Его темному взору предстает не просто танец прекраснейшей из прекраснейших, а танец самой Жизни, той, какая она есть в своей первоизданной Божественной сущности, органически вобравшей в себя гениальное в своей простоте и естественности, настоящее, подлинное, истинное выражение жизнелюбивой радости («веселья детского полна»). И, казалось бы, в бесплотном духе зла пробуждается желание любить и быть любимым, а значит, вернуться к навсегда утраченному, обрести безнадежно потерянное.

Далее, в эпизоде в монашеской келье, куда приходит Демон, чтобы встретиться с Тамарой, мы видим, как ангел-хранитель оставляет своего врага наедине с девушкой, но это не отступление перед ним, а предоставление ему возможности обнаружить глубинную сущность своих намерений. Это своеобразный «момент истины» для Демона и вместе с тем величайший шанс искупления вины, даруемый ему Богом. Но затеплившийся луч надежды не смог пробиться

сквозь мрак эгоизма. Демоническая сущность проявляется в губительном для земной девушки поцелуе изгнанника рая. В нем торжествует злой дух, потому что желание Демона беспредельно эгоистично, он не думает о счастье девушки, а страстно хочет, чтобы любили его. Демон, пустив в ход все свое черное искусство, навязывает девушке себя, предварительно преступно устранив ее жениха и лишив Тамару права свободного выбора, тем самым окончательно проявляя свой злоедейский эгоизм. Он, как и раньше, приносит людям горе, потому что не очеловечен ни каплей жизнелюбия и альтруизма, того бескорыстного дарения радости всему живому и существу, которым светился потрясший его воображение и приглашающий его к пониманию истинных жизненных ценностей танец Тамары, блистательно изображенный М.Ю. Лермонтовым в первой главе. Но именно такого альтруистического жизнелюбия и не обнаружилось у Демона. Оно было потоплено в яде себялюбия и гордыни, превратившем для него мир в пустыню. Так Демон упускает милостиво дарованный ему Богом шанс на возрождение.

Пьеса А.Н. Островского «Гроза» начинается с песни «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...», которую поет Кулигин, сидя на скамье и восхищаясь красотой Волги.

Символическое значение песни в начале пьесы, восходя к концепту «песня» («народная песня»), обуславливает фольклорность всех элементов последующего художественного текста. Вся пьеса по своей концептуальной эстетической структуре воспринимается как лирическая песня со сказочными мотивами и трагическим финалом. Концепт «песня»

помогает открыть в образе Катерины отголосок нездешней мелодии (песни), звучащей в ее душе, но никем из окружающих из-за своей духовной глухоты не услышанной. Образ Кулигина приобретает дополнительный мотив песельника-гусяра (сказителя), поведавшего миру о событиях, происшедших на берегу реки Волги в городе Калинове.

Песня про донского казака, которую поет Кудряш накануне первого свидания Катерины и Бориса, воспринимается в контексте пьесы как предвосхищение участи Катерины в доме Кабановых после возвращения Тихона и как своеобразная интерпретация мотива нерожденных детей, сопутствующего судьбе Катерины на протяжении всего произведения.

Окончание первого свидания Катерины и Бориса (действие 3, явление 5) сопровождается перепев Кудряша и Варвары:

В а р в а р а (у калитки):

А я, млада, до поры,
До утренней до зари,
Ай-лели, до поры,
До утренней зари!
(уходит)

К у д р я ш (поет под гитару):

Гуляй, млада, до поры,
До вечерней до зари!
Ай-лели, до поры,
До вечерней до зари...

К у д р я ш:

Как зорюшка занялась,
А я домой поднялась.
[8, с. 114]

В данном эпизоде песня создает эмоционально-экспрессивный фон свидания Катерины и Бориса, душевного состояния героини, ощущающей

себя молодой девушкой-невестой, встречающейся со своим возлюбленным женихом. Также песня содержит мотивную коннотацию предшествующего диалога Катерины и Бориса:

Б о р и с: О, так мы погуляем! Время-то довольно.

К а т е р и н а: Погуляем. А там... (задумывается).

[Там же, с. 112]

Мысли Катерины, зашифрованные в многоточии, звучат в песенном рефрене «до поры».

Последнее действие пьесы, предваряемое ремаркой «Сумерки», начинается с песни, которую поет Кулигин:

Ночную темнотою покрылись небеса,
Все люди для покою закрыли уж глаза...

[Там же, с. 124]

Символическое значение этой песни как ключ к символике всего завершающего пьесу действия помогают понять концепты «ночь», «темнота» и «небеса».

Небеса, отражение которых героиня хотела увидеть как блаженство в своей земной любви, покрываются «ночной темнотою». В жизни Катерины наступает непроглядная ночь, и она для вечного «покою» закрывает глаза, решившись на самоубийство.

Таким образом, песня в контексте пьесы – это «зачинание», предсказание, сопровождение, выражение и обобщение драматических событий; звучание светлой души Катерины, не услышанное и оборванное (см. деталь «обрыв») в «темном царстве»; форма повествования в драме «Гроза».

При изучении произведения И.С. Тургенева «Отцы и дети» целесообразно обратить внимание учеников

и проанализировать в контексте романа экфрасис, введенный автором при описании приезда Базарова и Аркадия в Никольское в главе XVI:

«Усадьба, в которой жила Анна Сергеевна, стояла на пологом открытом холме, в недалеком расстоянии от желтой каменной церкви с зеленой крышей, белыми колоннами и живописью *al fresco* над главным входом, представлявшею “Воскресение Христово” в “итальянском” вкусе. Особенно замечателен своими округленными контурами был распростертый на первом плане смуглый воин в шишаке» [11, с. 242].

В религиозной и философской христианской традиции Воскресение Христово – это апофеоз Божественной Истины, победа добра над злом, света над тьмой, «поворотный пункт не только в истории христианства, не только в истории религиозного сознания человечества, но в истории и жизни мира и всего творения. Здесь действительно – победа, прорыв Вечной Жизни в мир, начало и залог нашего спасения... Воскресение во плоти обозначает реабилитацию всего творения, сотворенного Богом, – и тела нашего также, – если оно очистится и сделается носителем Духа Божия. Источником же этого является Воскресение во плоти Сына Божия» [1, с. 28].

«Воскресение Христа – это завет и обетование сохранения всех ценностей, и, прежде всего, абсолютной ценности человеческих индивидуальностей <...> восстановление всего вечного, что творилось в истории; это – спасение духовных благ, истинных ценностей культуры, приобщение исторического человечества к мировому творчеству, к участию в мироздании» [2, с. 86].

«Воскресение Христово», изображенное над главным входом каменной церкви в Никольском, – ключевая деталь эстетической структуры романа. Больной нигилизмом Базаров исцеляется любовью. Это исцеление невозможно в обиденной жизни. Противоречие между нигилизмом и любовью неразрешимо в ней, но оно разрешимо в Вечной Жизни. Поэтому «убитая» на земле нигилистическим безверием душа героя воскресает за пределами земной жизни, о чем свидетельствуют цветы на его могиле. Лампада, возженная любовью, в земной жизни гаснет, чтобы возгореться настоящим неугасимым огнем в «жизни бесконечной». А изображенный на фреске «распростертый на первом плане смуглый воин в шишаке» «особенно замечателен» своим несомненным сходством с Базаровым.

«Откуда будут у меня пистолеты, Павел Петрович? Я не воин» (перед дуэлью, гл. XXIV) [11, с. 314].

Тем не менее он воин, дошедший в своем богоборчестве до последней черты и все-таки спасенный Божественным милосердием, духовно исцеленный для Вечной Жизни Воскресением Христовым.

«– Евгений, тебе теперь лучше; ты, Бог даст, выздоровеешь; но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина! Каково-то мне это тебе говорить, это ужасно; но еще ужаснее... ведь навек, Евгений... ты подумай, каково-то...»

Голос старика перервался, а по лицу его сына, хотя он продолжал лежать с закрытыми глазами, проползло что-то странное.

– Я не отказываюсь, если это может вас утешить, – промолвил он наконец, – но мне кажется спешить еще не к чему» (гл. XXVII) [11, с. 355].

«Анна Сергеевна тихо вышла.
– Что? – спросил ее шепотом Василий Иванович.

– Он заснул, – отвечала она чуть слышно.

Базарову уже не суждено было просыпаться. К вечеру он впал в совершенное беспамятство, а на следующий день умер. Отец Алексей совершил над ним обряды религии. Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице.

Когда же, наконец, он испустил последний вздох и в доме поднялось всеобщее стенание, Василием Ивановичем обуюло внезапное исступление. «Я говорил, что я возропщу, – хрипло кричал он, с пылающим, перекошенным лицом, потрясая в воздухе кулаком, как бы грозя кому-то, – и возропщу, возропщу!»

Но Арина Власьевна, вся в слезах, повисла у него на шее, и оба вместе пали ниц. «Так, – рассказывала потом в людской Анфисушка, – рядышком и понурили свои головки, словно овечки в полдень...»

Но полуденный зной проходит, и настает вечер и ночь, а там и возвращение в тихое убежище, где сладко спится измученным и усталым...» (гл. XXVII) [11, с. 359].

Так возвращается в тихое убежище блудный сын, согрешивший в своем всеотрицании, но оправданный и прощенный всеильной Любовью, и воссоединяются отцы и дети в Жизни Вечной [14, с. 111].

Еще одно интермедияльное включение связано с описанием театрального представления на ярмарке в поэме-эпосе Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкою,
С козю с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!

Шалаш полным-полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся –
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

[7, с. 113–114]

Анализируя с учениками этот эпизод, размышляя над тем, какое важное значение для становления народного самосознания на пути к подлинному освобождению отводил Н.А. Некрасов народному театру, целесообразно сопоставить некрасовское видение с перекликающимися с ним размышлениями, выраженными в стихотворении Габдуллы Тукая «Театр» (перевод Р. Морана):

Театр – и зрелище, и школа для народа.
Будить сердца людей – вот в чем
его природа!
На путь неправедный он не дает
свернуть,
Он к свету нас ведет, открыв нам
правый путь.

Волнуя и смешая, он заставляет снова
Обдумать прошлое и смысл пережитого.
На сцене увидав правдивый облик твой,
Смеяться будешь ты иль плакать
над собой.

[10, с. 103]

Проводя эту работу, можно предложить ученикам следующие вопросы и задания:

1. С какой целью введен Н.А. Некрасовым в поэму эпизод с балаганом?
2. Как он переключается с мечтой поэта о времени, когда простые люди понесут с ярмарки книги Белинского и Гоголя?
3. Сопоставьте эти мысли Н.А. Некрасова с мыслями Г. Тукая, выраженными в стихотворении.

В комедии А.П. Чехова «Вишневый сад» ключевое смыслообразующее значение имеет интермедийное включение «звук лопнувшей струны»:

«Все сидят, задумались. Тишина. Слышно только, как тихо бормочет Фирс. Вдруг раздаётся отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный» (действие 2) [13, с. 434].

«Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву» (действие 4) [Там же, с. 461].

Русская народная пословица гласит: «Струны готовы, недалеко и до песен». Когда на музыкальном инструменте рвется струна, это означает, что она или была слишком сильно натянута, напряжена, или пришла в негодность от времени. Чтобы зазвучала мелодия, нужно заменить лопнувшую струну новой. В противном случае музыкальный инструмент превратится в бутылочную безделушку.

Звук лопнувшей струны в комедии А.П. Чехова обнажает незримую, внутреннюю связь каждого из персонажей с вишневым садом – это «обнаженный нерв» всех коллизий пьесы, изобразительная квинтэссенция разрыва действующих лиц со своим

прошлым, с чем-то сокровенным, реальным и воображаемым, с какой-то неосуществившейся возможностью.

Для Любви Андреевны закрывается семейный альбом, «фотографии» которого (беседка, белое деревце, дом с детской комнатой) возвращали ее в то навсегда прошедшее время, когда она была маленькой и защищенной от жизненных невзгод и проблем. «Любовь Андреевна. Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... (Плачет.) И теперь я как маленькая... <...> Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! (Смеется от радости)» [13, с. 420].

Для Гаева, инфантильность которого акцентируется леденцами и постоянной потребностью играть, закрываются двери биллиардной, и опекаемый, одеваемый Фирсом барчук должен «переквалифицироваться» в банковские служащие.

Для Вари обрывается надежда стать женою Лопихина и хозяйкою имения. Она снимает с пояса ключи, бросает их на пол, посреди гостиной, и уходит... в экономки к Рагулиным.

Для Лопихина, не делающего Варе предложения по той простой причине, что он с детских лет любит Любовь Андреевну, казалось бы, осуществляется мечта самоутвердиться, но в то же время теряется надежда на любовь Раневской. «Лопихин. ...Эй, музыканты, играйте, я желаю вас слушать! Приходите все смотреть, как Ермолай Лопихин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья!» [Там же, с. 449].

Инфантильное дворянство, олицетворенное Раневской и Гаевым, так же как и «хроническое» лакейство (Фирс), – это безвозвратно

уходящее прошлое. Но что придет ему на смену? Предпринимательство, выросшее из корней рабства (Лопухин), невежественный космополитизм (Яша), неразборчивая всеядность (Симеонов-Пищик), претенциозная экономность (Варя), порхающая легкомысленность (Дуняша), карикатурное дилетантство (Епиходов), шоуменское фокусничанье (Шарлотта)? Даже мечтающий о превращении России в цветущий сад «вечный студент» Петя Трофимов падает с лестницы, ходит в грязных калошах и выглядит в глазах народа «облезлым барином». Чехов смеется над своими героями-недотепами. Но это смех сквозь слезы, потому что все они – персонифицированная Россия, в которой жил и творил любящий свою Родину в самом высоком смысле этого слова врач, желающий родному народу выздоровления и отдавший весь свой талант и даже в конечном итоге свою жизнь для его лечения («Врач нужен не здоровым, а больным»). В этом контексте символическое значение приобретают слова Раневской, обращенные к ее любовнику: «Любовь Андреевна... он болен, он одинок, несчастлив, а кто там поглядит за ним, кто удержит его от ошибок, кто даст ему вовремя лекарство? И что ж тут скрывать или молчать, я люблю его, это ясно» [13, с. 443].

Новая струна не будет издавать фальшивых звуков и ошастливит мир прекрасной мелодией только в том

случае, если у исполнителя чистая душа, способная любить и трудиться по-настоящему. Такая душа у Ани. «Мы посадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймешь, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама! <...> Ты, мама, вернешься скоро, скоро... не правда ли? Я подготовлюсь, выдержу экзамен в гимназии и потом буду работать, тебе помогать. Мы, мама, будем вместе читать разные книги... Не правда ли? (*Целует матери руки.*) Мы будем читать в осенние вечера, прочтем много книг, и перед нами откроется новый, чудесный мир...» [Там же, с. 454].

Апробация предложенного в статье методического материала осуществлялась на практических занятиях по дисциплине «Теория и методика обучения русской литературе» со студентами Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы в Уфе, а также на уроках литературы в Кушнаренковском многопрофильном профессиональном колледже имени Д.Б. Мурзина. На основании проделанной и апробированной опытно-экспериментальной работы можно сделать вывод о позитивной роли анализа внутритекстовых интермедийных включений в формировании ценностно-смысловой структуры личности, читательской грамотности школьников и успешной подготовке обучающихся к итоговому сочинению.

Библиографический список

1. *Арсеньев Н.С.* Что значит Воскресенье? // Русские философы (конец XIX века – середина XX века): Антология. Вып. 1 / сост. А.Л. Доброхотов, С.Б. Неволин, Л.Г. Филонова. М., 1993. С. 27–29.
2. *Булгаков С.Н.* Воскресение Христа и современное сознание // Русские философы (конец XIX века – середина XX века): Антология. Вып. 1 / сост. А.Л. Доброхотов, С.Б. Неволин, Л.Г. Филонова. М., 1993. С. 85–86.

3. Дивногоорцева С.Ю. Духовно-нравственное воспитание личности в условиях образовательного учреждения: учебно-методическое пособие. М., 2019.
4. Доманский В.А. Интермедальность произведений русской классики (на материале творчества И.С. Тургенева) // Мир русского слова. 2020. № 2. С. 84–90.
5. Карбанова Н.В. Введение интермедального анализа художественного текста на уроках литературы в старших классах школ гуманитарного профиля // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022, Т. 7. Вып. 7. С. 700–706.
6. Лермонтов М.Ю. Демон: Стихотворения. Поэмы. Пьесы. М., 2007.
7. Некрасов Н.А. Русские женщины: Поэмы, стихотворения. М., 2002.
8. Островский А.Н. Драматургия. М., 2000.
9. Темперамент и ценностно-смысловая сфера как ресурсы развития личности старшеклассника: практическое пособие / А.А. Вихман, Е.Н. Митрофанова, А.А. Скорынин и др. Пермь, 2019.
10. Тукай Г. Стихотворения. Поэмы и сказки / пер. с татарск. Казань, 1986.
11. Тургенев И.С. Отцы и дети: роман. М., 2003.
12. Четвертных Т.В., Токарева П.В. Формирование читательской грамотности обучающихся: методические рекомендации. Омск, 2020.
13. Чехов А.П. Повести. Пьесы. М., 1987.
14. Шуралёв А.М. Полифункциональность художественных концептов в литературном образовании: монография. Уфа, 2020.

References

1. Arsenyev N.S. What does Sunday mean? *Russkie filosofy (konec XIX veka – seredina XX veka): Antologiya. Vyp. 1.* A.L. Dobrohotov, S.B. Nevolin, L.G. Filonova (eds.). Moscow, 1993. Pp. 27–29. (In Rus.)
2. Bulgakov S.N. The Resurrection of Christ and modern consciousness. *Russkie filosofy (konec XIX veka – seredina XX veka): Antologiya. Vyp. 1.* A.L. Dobrohotov, S.B. Nevolin, L.G. Filonova (eds.). Moscow, 1993. Pp. 85–86. (In Rus.)
3. Divnogorceva S.Yu. Duhovno-nravstvennoe vospitanie lichnosti v usloviyakh obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Spiritual and moral education of the individual in an educational institution]. Educational and methodological manual]. Moscow, 2019.
4. Domansky V.A. Intermediality of works of Russian classics (based on the work of I.S. Turgenev). *Mir russkogo slova.* 2020. No. 2. Pp. 84–90. (In Rus.)
5. Karabanova N.V. Introduction of intermedial analysis of literary text in literature lessons in high schools of humanitarian schools. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki.* 2022. Vol. 7. Issue 7. Pp. 700–706. (In Rus.)
6. Lermontov M.Yu. Démon: Stihotvoreniya. Poemy. Pesy [Demon. Poetry. Poems. Plays]. Moscow, 2007.
7. Nekrasov N.A. Russkie zhenshchiny: Poemy, stihotvoreniya [Russian women: Poems, poetry]. Moscow, 2002.
8. Ostrovsky A.N. Dramaturgiya [Dramaturgy]. Moscow, 2000.
9. Vihman A.A., Mitrofanova E.N., Skorynin A.A. et al. Temperament i cennostno-smyslovaya sfera kak resursy razvitiya lichnosti starsheklassnika [Temperament and the value-semantic sphere as resources for the development of a high school student's personality]. Practical guide. Perm, 2019.
10. Tukay G. Stihotvoreniya. Poemy i skazki [Poetry. Poems and fairy tales]. Transl. from Tatar. Kazan, 1986.
11. Turgenev I.S. Ottsy i deti: roman [Fathers and Sons: A Novel]. Moscow, 2003.
12. Chetvertnykh T.V., Tokareva P.V. Formirovanie chitatelskoj gramotnosti obuchayushchihnya [Formation of reading literacy of students]. Omsk, 2020.
13. Chekhov A.P. Povesti. Pesy [Novels. Plays]. Moscow, 1987.
14. Shuralyov A.M. Polifunktionalnost hudozhestvennykh konceptov v literaturnom obrazovanii [Multifunctionality of artistic concepts in literary education]. Monograph. Ufa, 2020.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024, принята к публикации 31.01.2024
The article was received on 10.01.2024, accepted for publication 31.01.2024

Сведения об авторах / About the authors

Шуралёв Александр Михайлович – доктор педагогических наук; профессор кафедры русской литературы Института филологического образования и межкультурных коммуникаций, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа

Alexander M. Shuralev – ScD in Education; Professor at the Department of Russian Literature, Institute of Philological Education and Intercultural Communications, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Ufa

E-mail: almishur@mail.ru

Асаева Лиана Хазисламовна – аспирант кафедры русской литературы Института филологического образования и межкультурных коммуникаций, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа

Liana Kh. Asayeva – PhD postgraduate student at the Department of Russian Literature, Institute of Philological Education and Intercultural Communications, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

E-mail: asaevaliana@mail.ru